

РОЛЬ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ И ПЕРСОНИФИКАЦИИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Н. ТЭФФИ

Н.П. Чиж

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
super_chizh@mail.ru

Статья посвящена роли олицетворения в малой прозе Надежды Тэффи. Рассматривается история тропа и лингвистические предпосылки его возникновения в рамках сатирических жанров. Подробно исследуются механизмы формирования комического с помощью непосредственно олицетворения или других выразительных средств, в образовании которых также участвует олицетворение (языковая игра, речевые ошибки, внутренняя тавтология и т.д.). Особое внимание уделяется частому случаю этого тропа — персонификации. Прослеживается связь персонификации с семантикой слова и с семантическим полем объекта «очеловечивания».

Ключевые слова: олицетворение, персонификация, языковая игра, малый жанр, комическое, семантика, семантическое поле.

При анализе литературного произведения стоит помнить о том, что за каждым выразительным средством кроется кропотливая работа автора, выбор средств не случаен и понимание механизмов создания того или иного произведения зачастую содержит ключ к разгадке всей палитры смыслов. Полный и исчерпывающий анализ произведения невозможен без обращения к анализу лингвистическому.

Надежда Тэффи, будучи талантливой и разносторонне образованной женщиной, умела находить актуальные и смешные сюжеты для своих рассказов. Но ее творчество примечательно не только по содержанию, но и по исполнению. Здесь мы рассмотрим один из излюбленных средств выразительности Тэффи — олицетворение и его частный случай — персонификацию.

Существует множество определений термина «олицетворение», но остановимся на одном из них, самом емком по содержанию: «олицетворение — вид тропа: изображение неодушевленных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ (даром речи, способностью мыслить, чувствовать, переживать, действовать), уподобляются живому существу» [1].

При обращении к истории понятия олицетворения становится очевидно, что рамки его не ограничиваются одной литературой: олицетворение имеет связи с культурой, религией, психологией. Оно берет свое начало из языческих времен, когда человек чувствовал близость к природе, взаимосвязь всех явлений действительности, когда одушевленный и неодушевленный мир в сознании человека отождествлялись. Олицетворение, как часть мировоззрения, лежит в основе фольклора и мифологии. По мнению А.Ф. Лосева, «...как раз это и есть мифология, т.е. понимание всего неодушевленного в качестве одушевленного и всего неродствен-

ного как ближайшим образом родственного. Солнце, Луна, звезды, атмосферные явления, наземные и подземные предметы и события — все это есть только совокупность родителей и детей, дедов и внуков, братьев и сестер и т.д.» [2].

Изначально объекты для олицетворения появлялись за счет тонкой внутренней взаимосвязи человека и окружающей действительности, и выбор этот носил не преднамеренный, а интуитивный характер. Подобный подход в целом сохранился в поэзии, где олицетворение является частью мироощущения поэта.

Таким образом, олицетворение (в отличие от языковой игры и каламбура) не связано напрямую с комическим, что делает изучение этого тропа в рамках анализа комического текста особенно интересным. В сатирических произведениях автор ставит перед собой конкретную цель — вызвать у читателя смех, поэтому олицетворение является не случайным, а тщательно осмысленным. Более того, выбор олицетворения зачастую имеет не столько психологическую, сколько лингвистическую подоплеку, что подтверждается многочисленными примерами.

Олицетворения фигурируют практически в каждом рассказе Тэффи. Они, в зависимости от поставленной задачи, выполняют несколько функций, которые мы и рассмотрим подробно.

Малый жанр требует лаконичности, прежде всего в создании пейзажей, портретов и описании окружающей действительности. Поэтому Тэффи часто использует олицетворения для придания тексту образности и емкости, например: «По стене бегали огни автомобилей, вскрикивали их гудки, звякал трамвай. Острым буравчиком сверлил ухо призывный звонок соседнего кино» [3. С. 64]; «Сезон умирает» [3. С. 46].

Часто олицетворения строятся на намеренно ошибочном употреблении фразеологизма с неодушевленным или абстрактным предметом: «И, откровенно говоря, эта ее идея насчет штопки мне даже, так сказать, сверкнула своей улыбкой» [4. С. 98].

Слияние олицетворяемого объекта с фразеологизмом можно наблюдать в рассказе «Из весеннего дневника»: «А природа, как уже известно, все делает на зло человеку. Недаром говорится: „Гони природу в дверь, она вернется в окно“» [3. С. 156].

Многие олицетворения используются для наслоения смыслов, намеренной внутренней тавтологии, как в нижеследующем примере, где идея письма заложена и в олицетворяемом объекте (почерк), и в воспроизводимом им действии (писал): «Дорогая Лизавета Петровна, — писал знакомый почерк» [4. С. 201].

Н. Тэффи строит олицетворения с опорой на имена частей тела человека, что помогает в создании портретов, а также служит для псевдоромантизации образа: «И весь этот хаос и игра красок озаряются мудрым выражением тусклых серых глаз. Глазам пятьдесят четыре года» [4. С. 213]; «„Я люблю тебя!“ — шептали ее длинные, шуршащие волосы. „Я люблю тебя!“ — говорили ее напряженно-дрожащие руки. „Я люблю тебя!“ — кричали ее вытянутые ноги» [3. С. 137].

Комического эффекта писательница добивается за счет постановки в один ряд одушевленного и неодушевленного предмета — олицетворение «внедряется»

вглубь текста: «А кондуктор всю дорогу от Цветкова до Культияпина оскорблял и меня, и весь мой багаж невыносим» [5 С. 112].

Отдельное внимание Тэффи уделяет частному случаю олицетворения — персонификации. Многие исследователи ставят олицетворение и персонификацию в один ряд, считая их абсолютными синонимами (А. Квятковский, Я.К. Гин, О.С. Ахманова). Однако отличия все-таки существует и заключается в том, что при персонификации неодушевленный предмет обладает не каким-то одним свойством и признаком одушевленного, а полностью уподобляется живому существу.

Н. Тэффи, благодаря своей проницательности, умела тонко подметить взаимосвязь предметов и людей. Персонификация — нередкое явление в ее малой прозе, причем зачастую именно она становится центральным приемом, благодаря которому формируется комическое при написании того или иного рассказа.

Центральное место персонификация занимает в рассказе «Курортные типы». Главная героиня — Ольга Андреевна, пожилая женщина, подвергается извечному жизненному дуализму: борьбе желаемого и действительного. Для того чтобы максимально точно и наглядно передать столь сложное душевное состояние главной героини, Н. Тэффи снова обращается к персонификации, наделяя признаками живых существ двух других «героев» рассказа — *живот* и *корсет*.

Рассказ целиком построен на их диалоге, и весь комический эффект сосредоточен на различном восприятии действительности. *Живот* как часть организма знает и говорит только правду, постоянно напоминает о здоровье и возрасте: «Напилась бы горяченького кофейку со сливочками да с крендельками сдобными, да соснула бы на диванчике полчаса. И кого ты корсетом удивишь, — старая рожа, ведь тебе шестой десяток идет»; «Дождалась дура, что старухой назвали!». *Корсет*, как предмет женского гардероба и как элемент искусственный, призванный приукрашать, является воплощением сладкой лжи: «— Подбодрись! Подбодрись, нечего! — подпирал корсет. — Патти в семьдесят лет замуж за барона вышла»; «Браво, браво! Побольше темперамента!» [5. С. 75].

В данном рассказе с помощью персонификации Тэффи иронично и кратко раскрывает сущность самообмана, которым живут многие маленькие люди, отчаявшиеся и потерявшие надежду на реальное счастье.

Стоит отметить, что поводом для персонификации может стать семантика слова. Одно из значений слова, а также его семантическое поле могут подтолкнуть автора к олицетворению именно этого предмета, что и происходит в рассказе «Жизнь и воротник». Весь рассказ посвящен описанию того, как героиня рассказа — тихая, застенчивая Олечка Розова, честная жена честного человека, попадает во власть крахмального дамского воротничка, который она увидела в мануфактурном магазине: «Как женщина честная, она сначала подумала: „Еще чего выдумали! Затем зашла и купила“». Затем приобретенный воротничок «...потребовал новую кофточку, круглую юбку с глубокими складками, новых башмаков, шляпу, пояс и перчатки, подходящие к характеру воротничка, полосатый диван, от которого тошнило и ее, и честного мужа, и старую вороватую кухарку, но которого уже несколько дней настойчиво требовал воротничок» [3].

Воротник не унимался, и главная героиня «стала вести странную жизнь. Не свою. Воротничковую жизнь. А воротничок был какого-то неясного, путаного стиля, и Олечка, угождая ему, совсем сбилась с толку; Олечка слабела все больше и больше в этой борьбе, а воротник укреплялся и властвовал. Она скоро опустила руки и поплыла по течению, которым ловко управлял подлый воротник».

Н. Тэффи нарочито выбирает именно эту часть женского гардероба. То, что выбор не случаен, нам подсказывает этимология слова: *воротник* мотивирован словом *ворот* (выстраиваем линейку: *поворот, разворот, оборот, оборотень*). Также значима оппозиция «*воротник — шея*», что позволяет значительно расширить семантическое поле и выстроить соответствующий логический ряд: «*шея — сесть на шею — сдавливать шею — ... — аркан — ... — власть-рабство*» и т.д.

Таким образом, объяснимо, почему объектом персонификации становится именно *воротник*, а не пояс, браслет, веер, корсет и т.д. *Воротник* обладает сильным характером и диктаторскими навыками: он управляет жизнью Олечки, которая, как слабохарактерная личность, не сильно сопротивляется: «Прежде она никогда нигде не бывала, но теперь воротник напялился на ее шею и поехал в гости. Там он вел себя развязно до неприличия и вертел ее головой направо и налево». Именно из-за воротника Олечка изменяет и хамит мужу, что влечет за собой развод и прочие неприятности. Только потеря воротничка в стирке освобождает героиню от его власти, и она снова преобразается: «Кроткая Олечка служит в банке. Она так скромна, что краснеет даже при слове „омнибус“, потому что оно похоже на «обнимусь»».

К персонификации можно также отнести и так называемое очеловечивание — олицетворению писательница подвергает не только неодушевленные предметы, но и животных. Ее «Древняя история» изобилует примерами включения в ряд однородных членов предложения наряду с человеком и представителей фауны: «В ассирийские времена не только люди, но и львы не пренебрегали парикмахерскими щипцами» [6. С. 20]. Подобные нарушения логики реальной жизни не просто создают отдельные забавные ситуации в ее остроумной пародии на историю Древнего мира, но и превращают ее в веселую «клоунаду».

В рассказе «Собачья мемуары» Н. Тэффи наделяет собаку способностью размышлять и вести дневник. Выбор животного не случаен. Писательница для комического эффекта использует максимальное количество элементов семантического поля лексемы «собака» (в том числе и с помощью фразеологизмов) и за счет этого создает замечательные каламбуры: «О нас только и разговоров, наше имя у всех на устах. На каждом шагу слышим: – *Собачья жизнь!* В квартире *собачий* холод! Голоден, как *собака!* *Собаке — собачья смерть!*»; «Писатель Горький *стоит* перед советской властью *на задних лапках*. Так отныне я могу называть Горького коллегой: оба пишем, оба *умеем на задних лапках стоять!*»; «... знаешь, говорят, у хлебных лавок *выросли хвосты!*» [3].

Н. Тэффи была блестящим сатириком и великолепным психологом, умеющим затронуть самые актуальные и злободневные вопросы современности. Вместе с тем ее отличает работа над словом и обращение к целой палитре средств выразительности. Использование олицетворения позволяет Тэффи добиться лаконич-

ности и образности текста, а также сформировать комическое за счет олицетворения неожиданных предметов, поставки олицетворений в один ряд с одушевленными предметами, а также с помощью персонификации, когда неодушевленный предмет становится полноправным героем рассказа.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2005.
- [2] Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1982.
- [3] Тэффи Н.А. Юмористические рассказы. М.: Худож. лит., 1990.
- [4] Тэффи Н.А. Все о любви: Рассказы. Повесть. Роман. М.: Политиздат, 1991.
- [5] Тэффи Н.А. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. М.: Книжный клуб Книговек, 2011.
- [6] Аверченко А.В. (составитель). Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». М.: Азбука-классика, 2011.

THE ROLE OF EMBODIMENT AND PERSONIFICATION IN N. TEFFY'S SHORT STORIES

N.P. Chizh

Peoples' Friendship University of Russia
Miklucho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198
super_chizh@mail.ru

The article is devoted to the embodiment and its role in short stories by N. Teffy. The history of the trope and also its rise and linguistic background in the area of satirical genres are investigated. The methods of forming the comic effect directly through the embodiment and the other expressive means are explored in detail, including ones based on embodiment (lingual game, speech mistakes, inner tautology, etc.). The author pays much attention to the frequent case of this trope — personification. The connection follows between personification, semantics of word and semantic field of the object being humanized.

Key words: embodiment, personification, lingual game, short story, comic, semantics, semantic field.

REFERENCES

- [1] Belokurova S.P. Slovar literaturovedcheskikh terminov. SPb.: Paritet, 2005.
- [2] Losev A.F. Antichnaya filosofiya istorii. M.: Nauka, 1982.
- [3] Teffi N.A. Yumoristicheskiye rasskazy. M.: Hudozh. lit., 1990.
- [4] Teffi N.A. Vse o lyubvi: Rasskazy. Povest. Roman. M.: Politizdat, 1991.
- [5] Teffi N.A. Sobraniye sochineniy v 5 t., v. 2. M.: Knizhnyy klub Knigovek, 2011.
- [6] Averchenko A.V. (sost.). Vseobshchaya istoriya, obrabotannaya «Satirikonom». M.: Azbuka-klassika, 2011.